

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

# ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО  
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL



П А Р И Ж

II — mars, avril 1951.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. «Христос Воскресе!» — прот. Сергей Четвериков .....	1
2. «Литургия» — свящ. Александр Шеман .....	3
3. «Духовные проблемы нашего времени» — прот. Василий Зеньковский .....	6
4. «Сущность власти в Церкви» — С. С. Верховской .....	11
5. «Что такое Икона?» — В. П. Рябушинский .....	20
6. «В связи со статьей о Стравинском» — свящ. Г. Сериков .....	27
7. «Болгарская Церковь» — Ф. Спасский .....	31

Адрес редакции:

I. Morosov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15 (France)

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ВЕСТНИК

Редакция «Вестника» обращается ко всем своим читателям с просьбой подписаться на 1951 год и внести по возможности скорей подписную плату:

1) во Франции на почтовый текущий счет:

Action Chrétienne des Etudiants Russes 91 rue Olivier de Serres, Paris, C. C. P., Paris 2441-04. (подписная плата на год — 250 фр.).

2) в других странах нашим представителям (подписная плата на год за границей — 1,50 долл.).

Судьба нашего журнала во многом зависит от наших читателей, поэтому мы просим всех, кто заинтересовался «Вестником», оказать нам помощь в виде аккуратных взносов за журнал. Если среди Ваших знакомых есть лица, интересующиеся вопросами жизни Церкви, проблемами русской религиозной мысли и работой с молодежью, присылайте пожалуйста их адреса в редакцию, с тем, чтобы мы могли выслать пробные номера нашего журнала и этим Вы нам окажете большую услугу!

Издание Р. С. Х. Движения за Рубежом.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

Нет праздника 1) радостнее, светлее, торжественнее Светлого Христова Воскресения. Уже накануне, по мере приближения Святой Пасхальной ночи, особенный мир и тишина нисходят в благоговейно настроенную душу. В сумерки раздается первый удар церковного колокола (так было в России), призывающий к чтению и слушанию Деяний св. Апостолов. Храмы не закрываются всю ночь. Люди приходят, слушают чтение святой книги, прикладываются последний раз к плащанице и уходят домой, чтобы приготовиться к Светлой Завтраке. К 11 часам храмы уже переполнены празднично одетым народом. В эту «спасительную и светозарную» ночь многие совсем не спят. В половине двенадцатого священнослужители совершают полунощницу и Св. Плащаница уносится в алтарь, где и полагается на Св. Престоле, чтобы пребывать там до Вознесения. По окончании полунощницы на малое время в храме водворяется глубокая тишина. Но вот открываются Царские Врата и сонм священнослужителей в блестящих светлых ризах, со светильниками и фимиамом, в преднесении св. хоругвей, икон и св. Евангелия, при пении «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить», исходит торжественно из алтаря и троекратно обходит вокруг храма при неумолкающем радостном трезвоне колоколов. Темная ночь. И кажется, что вместе с нами Ангелы, действительно поют радостную песнь, и необычайная чистота и святой восторг охватывают души верующих, как бы предвкушающих сладостный момент Светлого Христова Воскресения. Крестный ход останавливается против закрытых дверей и здесь впервые раздается радостная песнь: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ, и сущим во гробех живот даровав».

1) Настоящая статья взята из «Вестника» № 6 за 1925 г.

БИБЛИОТЕКА «ВЕСТНИКА»  
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»  
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ  
4001 321

Многokrатно повторяемая, она как будто не может насытить души верующих, жаждущих радости «благовещения Воскресения Христова».

Крестный ход вступает в ярко освещенный храм, оглашаемый дивными пасхальными песнопениями св. Иоанна Дамаскина. Священнослужители в светлых ризах, непрерывно обходят храм, приветствуя молящихся ангельскими словами: «Христос Воскресе». «Воистину воскресе» победно гремит церковь. В конце заутрени раздается торжественная песнь: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» и при словах: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем... и ненавидящим нас простим вся воскресением... начинается всеобщее братское троекратное христосование, великое торжество всеобщего братского примирения, радости и любви.

Так встречает великий праздник Светлого Христова Воскресения Православная Церковь. Это день величайшей радости, братской любви, общего примирения и всепрощения. Эта всеобщая, невольная, искренняя из года в год и из века в век повторяющаяся, неоскудевающая радость, этот особенный прилив братских чувств и чистоты сердца является отличительным признаком только Светлого Христова Воскресения. Ни один другой праздник, не исключая и Рождества Христова не производит такого духовного подъема. Что же это значит, в чем же заключается причина этого необычайного явления? Это значит, что Иисус Христос своим воскресением из мертвых утвердил наше примирение с Богом. В день Светлого Христова Воскресения **мы чувствуем**, хотя и не всегда сознаем, нашу **примиренность с Богом**. Между нами и Богом исчезла преграда греха. Нам сообщается вечная радость небожителей. Мы отчасти, насколько это возможно здесь на земле, уже переживаем радость, блаженство небесных обителей, уготованных Богом любящим Его. И это чувство неизменно нами переживаемое в этот святой день, является нагляднейшим и убедительнейшим доказательством Истины Христова Воскресения и нашего будущего всеобщего Воскресения. И в этом огромное значение для нас нашей Православной Церкви, что Она своим богослужением и своими обычаями умеет ставить нас в непосредственное общение с Иисусом Христом и со всем небесным миром, не затемняя их никаким посредничеством, никакими умствованиями, но помогая воспринимать их, как живую реальную правду.

Прот. Сергей Четвериков.

## ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ 1)

### 2. Приношение

«Христос возлюбил нас и предал себя за нас в приношение и жертву Богу». Ефес. 5, 2.

Хлеб и вино. Принося и полагая на престол эти смиренные человеческие дары — нашу земную пищу и питье — мы повторяем, сами этого часто не сознавая, то древнейшее, исконнейшее священнодействие, которое с первых дней человеческой истории составляло сердцевину всякой религии — мы приносим жертву Богу. «И был Авель пастырь овец, а Каин земледелец. Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар Богу и Авель также принес от первородных стада своего» (Быт. 4, 2-4).

О жертвах и жертвоприношениях написаны тысячи книг и им давались самые различные объяснения. Богословы и историки, этнографы и психологи, каждый со своей точки зрения пытались уяснить сущность жертвы, выводя ее и из страха и из радости и из «низких» и из «высоких» причин. Какова бы ни была ценность всех этих объяснений, несомненным остается одно то, что где бы и когда бы ни обращался человек к Богу, он неизменно ощущал потребность принести и отдать Ему в дар и жертву самое драгоценное из того, что он имел, самое засушное для своей жизни. Со дней Каина и Авеля кровь жертв ежедневно обогрела землю и дым всесожжений непрерывно восходил к небу.

Наше «утонченное» сознание ужасается теперь этим кровавым жертвам, этим «первобытным» религиям. Но в нашей утонченности не забываем ли мы иногда и не теряем ли чего то самого основного, самого первичного в религии, того без чего, в сущности, нет религии? Ибо в последней своей глубине религия есть не что иное как **жажда Бога**: «жаждет душа моя Бога живого» (пс. 42, 3) — и об этой жажде часто лучше знали «первобытные» люди, ее лучше знал (и потому на веки веков выразил) Псалмопевец, чем знает современный человек с своей «спиритуализированной» религией, «возвышенной моралью и изсушающим интеллектуализмом».

**Захотеть** Бога... Это значит всем существом своим узнать, что **Он есть**, что вне Его нет ничего, что Он есть причина и смысл и цель и радость и жизнь всего, это значит **возлюбить** Его **всем серд-**

1) См. «Вестник РСХД» за 1949 г. (№ 11-12), за 1950 г. (№ 1, 4-5, 6), за 1951 г. (№ 1).

цем, всем разумом и всем помышлением и это значит, наконец, узнать одновременно и всю беспредельную нашу оторванность от Него, нашу страшную вину, страшное одиночество в этом отрыве. Узнать, что есть в конце концов, только один грех — оторваться от Бога, **не** захотеть Его, возжелать другого, и есть только одна печаль, как говорил Léon Blois — это не быть **святым**, не иметь **освящения** — т. е. единства с Единым Святым. И вот, там где есть эта жажда Бога — т. е. сознание греха и неизбывная тоска по подлинной Жизни, там есть жертва. В жертве человек хочет отдать себя и свое Богу, потому что узнав Бога Он не может не любить Его, а возлюбив не может не отдать себя Ему. Но, будучи отделен от Бога **грехом**, он в этой жертве ищет искупления и прощения: он приносит ее **за** грехи, он хочет «заставить» Бога простить его и дать ему освящение, он вкладывает в нее всю боль и зло своей жизни, чтобы страданием, кровью, уничтожением жизни «заплатить» за свою вину и сделать наконец бывшее не бывшим. Но важно понять, что, как бы ни огрублялось и ни затемнялось религиозное сознание человечества, как бы грубо и «утилитарно» ни понимало оно подчас того, что делало и к чему стремилось, его стремлением всегда была жажда Бога и в своих жертвах — в этих бесчисленных приношениях, и всесожжениях, оно, пускай впопыхах, пускай дико и «первобытно», но искало Того, Кого человек не может перестать искать, ибо «для Себя создал нас Бог и не успокоится наше сердце пока не найдет Его» (Бл. Августин).

Но мы, христиане, знаем, что все эти жертвы, все эти порывы к небу были бессильны уничтожить грех. К ним ко всем (а не только к ветхозаветным жертвам) можно отнести слова послания к Евреям; они «никогда не могут сделать совершенными приходящих с ними, иначе бы перестали приносить их; потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов» (Евр. 10, 1-2). Они были бессильны потому что грех есть не только вина, которую можно искупить, но и **отрыв от Бога**, отпадение человека и через него всего мира от подлинной жизни, растление и подчинение смерти и распаду самой жизни. Поэтому жертвы были столько же свидетельством о непреодолимой силе греха над человеком, сколько и порывом его к Богу. И поэтому также все они были прообразом, чаянием и знаком другой — единственной и совершенной жертвы, той, в которой Сын Божий, став Сыном Человеческим, принес Себя Богу за спасение мира.

И в этой Жертве **совершилось** все: в ней открыт был и исполнен предвечный смысл жертвы, как совершенной любви, состоящей в совершенной самоотдаче: «так возлюбил Бог мир, что **отдал** Сына Своего Единородного...» и в Нем так возлюбил Человек Бога, что отдал Себя Ему до конца: «Отче! в руки Твои предаю

дух Мой» (Лк. 23, 46): и в этой двуединой отдаче ничего не осталось не отданным. «Любовь Отца — распинающая. Любовь Сына — распинаемая. Любовь Духа — торжествующая силою крестною» (Митр. Филарет). В этой Жертве совершилось то ради чего бесцельно приносились все прочие жертвы — человеку было даровано прощение грехов, ибо Христос «взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши, наказание мира нашего было на Нем и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53, 4-6). Он был распят всем злом и грехом мира и в Нем **все было прощено**. И, наконец, в этой Жертве утолена была тоска человека по освящению и **причастию** Божеству: Его тело и Его кровь стали нашей пищей, источником нашего обожения, и прославления. Все, что сознательно или бессознательно вкладывал человек в свои жертвы, все чего он ждал от нее и то, чего он не мог ждать, что не могло придти ему на сердце, все это было **совершено**, исполнено и даровано в той Жертве всех жертв. И потому принеся ее, Спаситель уничтожил жертвы, **их больше не нужно**. Можно сказать больше: Его Жертвой уничтожена была сама **религия**: ибо религия есть там, где есть разрыв и разделение и потому нет религии без жертвы. Но во Христе Бог навеки соединился с человеком и каждому дана возможность стать участником этого нового человечества, соединенного с Богом и живущего жизнью Самого Христа.

Эта новая жизнь, жизнь Богочеловека Христа и есть Церковь. И, будучи жизнью Христовой, она состоит в вечном **исполнении** совершенного Христом дела: «Сие творите и Мое воспоминание». Мы снова и снова приходим со своими приношениями, со своими жертвами, со своей любовью, со своими грехами и, вот, это приношение есть приношение Самого Христа, наша жертва есть Его жертва, наша любовь — Его любовь и все мы — Тело Его: Он в нас и мы в Нем. На каждой Литургии мы снова и снова узнаем, что наши грехи прощены, что все **наше** воспринято Им и Им все принесено Отцу и даровано нам.

В литургическом приношении мы отдаем себя и свою жизнь Богу, мы приносим жертву. И чудо Церкви, чудо новой жизни в том, что эта жертва не есть **новая** жертва, что принося ее снова и снова, Церковь ничего не **повторяет**, ибо ей **дано** и заповедано приносить **всегда** единую и неповторимую жертву Христову. Что мы можем еще отдать и принести Богу, чего Христос не принес и не отдал? Что бы из нашего человечества и из нашей жизни мы ни принесли, Он **уже** принес все Человечество, Им воспринятое, Отцу Своему. Каким бы ни были **грехи**, за которые мы хотим принести

жертву, в Нем они уже прощены. Каково бы ни было наше страдание, Оно им уже изжито, какова бы ни была наша любовь — Он уже принес ее, какова бы ни была наша жажда освящения — Она нам уже дарована.

Хлеб и вино. Земная пища, земная жизнь, **мы сами** — «себя, друг друга и всю нашу жизнь» предающие Христу. Принося наши просфоры, мы вечно повторяем это исконнейшее движение человека к Богу: принести и отдать. Но эти жертвы были бы только человеческими жертвами, столь же бессильными, как и все другие, если бы Церковь не была Телом Христовым. Но потрясающая **новизна** христианства и состоит в этом отождествлении: **мы** приносим, но в нас и нами приносит **Христос**. «Ты еси приносяй и приносимый». И во Христе Бог **принимает** нашу жертву и во Христе Бог отдает ее нам во причастие и освящение: «и Ты принимаешь и Ты раздаешь...». И эта Жертва есть всегда та же единая Жертва, все в себе исполнившая, все в себе воспринявшая, вечная Жертва вечного первосвященника «Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым... имея великого Священника над домом Божиим... будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо **верен обещавший**...не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай, но будем увещевать друг друга...» (Евр. 10, 19-25).

Свящ. Александр Шмеман.

(Продолжение следует).

## ДУХОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(Запись доклада)

Наше время исключительно богато трудностями и проблемами. Одна ликвидация войны со всеми теми потрясениями, которые она вызвала, так трудна и сложна, что может целиком поглотить наше внимание, не говоря уже о других острых и серьезных проблемах. Среди этих очень важных и мучительных задач, духовные проблемы как бы **заслоняются** ими, отодвигаются как бы на второй план, рискуют остаться неразрешенными или быть затронутыми лишь частично и поверхностно. Между тем все внешние проблемы современности уходят своими корнями в ту духовную смуту, которая давно уже назревала в человечестве. Недавняя страшная буря внешне уже ушла, но внутреннее расстройство, внутренняя смута продолжают еще царить. Это и выдвигает духовные проблемы на **первое место**.

Конечно, основной источник всех внутренних трудностей, через которые проходит наше время замечается в том, что человечество, хотя и отошло от Христа и Его Церкви, но живет все-же как раз теми, которые поставляются миру как раз христианством. Человечество не в силах отказаться от тех идеалов, которые вложены нам в душу христианством (идеал братства, свободы, единства), но не хочет и идти к этим идеалам путями христианства.

Оно хочет **принудительно** провести нас к братству, на путях насилия водворить свободу... В этих противоречиях и сказывается вся глубина той духовной смуты, которой мы болеем.

В обозрении основных духовных проблем нашего времени я хочу привлечь ваше внимание только к трем, но самым важным и существенным.

Прежде всего укажу на глубокое крушение **прежней психологии культурного человека**. Эта прежняя психология была внутренне довольно сложна, но все же достаточно гармонична, а потому и влиятельна. Она сложилась на заре нового времени (XV, XVI века), окончательно была сформулирована в XVIII, как учение о прогрессе, проявила огромную творческую силу в XIX веке — но в XIX же веке началось и медленное ее разложение. В ее основе лежала **вера в человека**, в его «естественное» благородство, в силу его разума, способного распутать самые запутанные узлы, вера в неизбежное торжество в истории справедливости и правды. Эта вера в «разумность» жизни и истории, вера в грядущее торжество правды смягчала для людей все дефекты строя жизни, все несправедливости, мирила с «временным» торжеством зла, зажигала души творческим оптимизмом, увлекала и призывала не унывать и работать для «идеала». Даже средний обыватель, всецело уходящий в свои личные дела, и тот согревался у огня этой веры, питался ею. Однако, зловещим спутником этой веры в прогресс был все возрастающий **дух утопизма**. Он замечен уже в XVII веке, но разгорается преимущественно в XVIII в., а затем достигает исключительной силы, в XIX в., — **свидетельствуя о внутреннем опустошении, все нарастающем в европейском человечестве**. Утопизм вообще тем ярче, чем более убога и бедна жизнь, и если вера в прогресс создавала рядом с собой утопическую установку, это уже одно говорило о том, что сама вера в прогресс имела под собой внутреннюю беспочвенность. И утопизм, сначала мечтательный, становится позже носителем **революционной** идеи, что уже ясно говорило, что вера в прогресс стала тускнеть.

Начиная с середины XIX-го века начинает пышно расцветать «этатизм» — т. е. стремление все вопросы жизни разрешать с помощью государственной власти. Этатизм доходит до крайнего сво-

его выражения в XX в. и коммунизм, и фашизм, и национал-социализм содержат в своей основе только этатизм.

Здесь уже нет по существу веры в прогресс, нет веры в то, что история «сама» движется к идеалу, — и оттого приходится все реформы проводить **насильно**, опираясь на власть.

Какое крушение прежней веры в историю, какое крушение историософского оптимизма! Государство вмешивается во всю жизнь, начинает в новейшем этатизме навязывать обязательное мировоззрение, **становится тираническим**, не считается с личностью, с ее «естественными» правами. В философии истории исчезает прежний рационализм, история кажется сплошь иррациональной («в истории все импровизируется» говорил еще Герцен). **«История никуда не идет»** гласит формула трагического умонастроения у него же, и в этой формуле уже нет веры в прогресс, ни веры в Промысел, управляющий историей, в ней крик отчаяния.

Ко всему этому в XIX веке присоединилось явление само по себе отрадное и дорогое, но при нынешнем духовном стиле жизни необыкновенно усложняющее все. Я имею ввиду факт широкой, ныне уже совершенно неизбежной **демократизации**, при которой массы выступают на сцену истории. Пока история делалась кучкой «наверху» стоящих людей, все было проще и легче, — ныне же все стало сложно, громоздко. Массы стремятся овладеть тем, что имели раньше «верхи», и отсюда идут те явления «стандартизации», которые ведут к царству шаблона, к торжеству «среднего», «серого» человека. Даже парламентаризм, имеющий в своей основе веру в народ, оказался торжеством «числа» (т. е. большинства); гениальности ждать от парламента не приходится. Парламентаризм принес с собой страшную демагогию (в стремлении овладеть массами), и это неизбежно привело к понижению среднего морального уровня.

Ныне перед нами настоящее торжество «мещанства» (в духовном смысле). Его предсказывал еще Гоголь (в Чичикове), оно наполняло глубочайшим отвращением Герцена (в его гениальных книгах «С того берега», «Начало и Конец»), ненавистью и гневом Леонтьева, — и, конечно, торжество мещанства несет с собою полное крушение былой веры в прогресс, в «благородство» в истории.

Ныне мы стоим у крайней точки этого крушения. Недавно пережитая трагедия свидетельствует о том, что в современном человечестве больны самые истоки его творчества, что в самом духе его есть какое-то гниение, страшная болезнь. Жить прежней верой в прогресс уже невозможно, а без него как же обрести вдохновение для честного и творческого служения людям? Такова первая, грозная, мучительная духовная проблема нашего времени.

Вторая существенная тема нашего времени — **тема о человеке**.

Прежняя вера в прогресс была вместе с тем верой в человека, даже была культом человека. Гуманизм, развившийся в XV-XVI в., однако, медленно превращается в «человекобожество» (вспомним слова Горького: «Человек — это звучит гордо»).

Абсолютирование личности, превозношение полной «автономии» личности — **новейшие претензии** человека манили увлекательными перспективами, питали гордость и самопревознесение человека. В этом как бы завершилась идеология прежней эпохи, — а в то же время уже с конца XVIII в. (особенно в Германии, в «эпоху бури и натиска») начинает неожиданно обнажаться глубочайший **аморализм** этой «автономной» личности. В XVIII в. возникает замечательная попытка **прикрыть** этот аморализм с помощью эстетики, возникает так называемый «эстетический гуманизм», в котором много гуманистической риторики, а движущей силой которого является культ эстетических переживаний. Этот процесс идет в XIX в. с лихорадочной быстротой... В этом смысле не случайны слова одного моего коллеги, профессора права в одном европейском университете: «Я не краду, потому что мне это **эстетически** противно».

Это значит, что чисто моральных оснований он, честный, бесстрашный аналитик жизни, уже не решился указать. По крылатым словам Леонтьева всюду стала воцаряться «поэзия **изящной безнравственности**»; дело идет уже **только о том**, чтобы «безнравственность» была изящной, — и тогда современный человек будет спокоен.

Раскольников договорил до конца весь этот строй мысли, когда решил, что, если позволено Наполеону губить десятки тысяч людей и не быть осужденным за это, то и он без всяких сомнений может убить старушку ростовщицу...

Безчеловечность, достигшая ныне своего апогея, превращение моральных тем в условную, ничем не вдохновляющую риторику, «поэзия изящной безнравственности» — таковы страшные черты современного человека.

Подлинное добро, чистосердечная преданность добру еще возможны у «наивных» людей, а «культурный» человек, «автономный» и полагающийся на себя, освобожденный от «наивности» должен признаться, что красть или убивать он не может лишь потому, что это «эстетически» противно.

То, что я говорю о современном человеке, не есть клевета. Все это слишком трагично, чтобы еще присочинять; поскольку человек думает держаться «самим собой», поскольку он имеет претензии на «автономность», — должно сказать, что духовная опустошенность есть, увы, факт. Это значит ведь только то, что **невозможно верить в человека**, как такового; надо понять, что цен-

ность человека определяется прежде всего тем, чему он предан, чем вдохновляется.

«Новым» современный человек мог бы стать, если бы он подчинил себя высшей правде Божественной, т. е. если бы наступило **воспламенение души** («духом пламенейте» — завещал Ап. Павел), о добре и правде, т. е. о Боге.

Но это ставит нас перед третьей и самой существенной духовной проблемой нашего времени — перед темой религии и Церкви. Если изсякли духовные силы человека, если надорвана вера в разумность истории, разве не обладает наша современность неистраченным еще сокровищем Церкви? Не здесь ли лежит источник обновления?

Принципиально, конечно, да, но сама Церковь ныне так бессильна, так трагически ослаблена, что может ли она спасти мир? И не есть ли трагический надлом нашего времени по существу надлом именно Церкви?

Нельзя усомниться в благодатной силе, присущей Церкви, в благодатной силе таинств, совершаемых в Церкви, но эта **мистическая сила** Церкви, питающая отдельные души, может ли повлиять на пути истории? Церковь стала для нас местом утешения, местом индивидуального, а потому интимного питания, но не **местом спасения!** Искупительная сила Голгофы, обновляющая сила Воскресения, хотя и питает «потаенную» сферу человека, хотя входит в его сердце, но из глубины сердца не выходит в жизнь и творчество. Мы не ищем в Церкви того, что ей дал Господь, мы еще больше именно через Церковь застываем в своем обособлении, и этот грех наш и обессиливает Церковь, лишает ее творческого преобразующего влияния на жизнь.

Действительно, бесценное сокровище Церкви, сила Св. Духа, в ней живущего, может нас преобразить лишь в том случае, если мы захотим преодолеть наше обособление друг от друга. «Христианство в одиночку», атомизированное христианство еще поддерживает огонек в душе, но не может дать того воспламенения души, которое могло бы исходить в нас от Церкви.

Конечно, дело идет не **об отсечении** тех, кто «в одиночку», т. е. для себя и только для себя хочет быть со Христом. Мы стоим, однако, перед неотложной задачей обновления жизни через Церковь, — а это невозможно при современном самообособлении людей. Сила Церкви — в соборности, вне ее свет Церкви слабеет и не дает своего живительного действия...

Таковы основные духовные задачи, стоящие перед нами. Без усвоения того, что Церковь не только в мистическом, но и в историческом плане есть основа жизни, живые ее силы не могут помочь нам выйти из того исторического тупика, в какой по-

пало человечество. Без этого невозможно современному человеку освободиться от «человекобожеских» тенденций века сего и обрести в себе благодатные силы обновления. Без нового отношения к Церкви невозможно и создание новой психологии культурного творческого делания.

Спасение наше в Церкви.

Прот. В. Зеньковский.

## СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ В ЦЕРКВИ

(Запись доклада)

Что такое властвование? Мне кажется, что его можно определить, как подчинение воле властвующего кого-либо или чего-либо: себя-ли самого, или природы, или машины, или, наконец, других людей. Из всего этого широкого понятия власти я сейчас могу остановиться только на власти человека над человеком. Это будет введение к вопросу о власти в церкви.

Как можно властвовать над людьми? Можно-ли подчинить чужую волю во что бы то ни стало, даже и против желания того, кого мы хотим себе подчинить? Почему человек подчиняется человеку?

Меня этот вопрос привлек потому, что чрезвычайно часто власть понимают, как синоним насилия. Считают, что всякая власть основана на насилии и без насилия не может быть осуществленной. В то же время допускают, что насилием можно любого человека принудить сделать все, что хочет власть. Такого рода взгляд часто встречается как раз среди христиан, потому что, как известно, нередко среди христиан замечается недоверчивое отношение к власти и даже к самому принципу власти. Можно часто услышать, что принцип властвования связан с силою зла в этом мире, и что христиане должны быть своего рода анархистами. С другой стороны, поскольку власть признается заведомо началом злым, то в отношении власти вырабатывается пассивное отношение, ибо очевидно, что в таком случае можно или подчиняться, или уклоняться от нее, но никакие усилия не могут ее сделать положительной. Отсюда рождается безответственное отношение к общественной жизни.

Мне кажется, что самое убеждение в том, что власть и принуждение есть одно и то же — ложно. Принуждение, кстати, может действовать не только страхом, но и обольщением; но как бы оно ни действовало, сила его относительна: оно может ставить нас в искусственные и тяжелые условия жизнедеятельности, но оно

не может овладеть с необходимостью нашей волей. С нашим телом можно, конечно, обращаться, как с вещью, но не с человеческой душой, по природе свободной.

Иной раз власть пытается сломить самую человеческую волю или искусственно овладеть общим сознанием, но что же получается из этих попыток. — Человек, доведенный насилием и страхом до предельной потери самостоятельности теряет и достоинство, и способности человека: он становится скотоподобной рабочей силой... Подобный же результат производит и пропаганда: под ее влиянием люди теряют способность мысли, умственно тупеют и вырождаются... Но, повторяю: никакое принуждение, даже террор и пропаганда, не могут иметь абсолютной силы над человеком, если он сознательно им сопротивляется.

Здоровая власть основана не на принуждении и, если и имеет право прибегать к нему, то в порядке исключения, как к крайнему средству. Подлинная основа власти есть естественное и неизбежное неравенство между людьми. По природе все люди равны: это аксиома христианского учения о человеке; но есть между людьми некое частичное неравенство, которое делает власть необходимой и желательной. По-первых, не все люди обладают одинаковой силой воли и авторитетностью, одинаковым умением владеть и руководить собой и другими. Естественно, что человек с более слабой волей, не умеющий владеть своей жизнью, подчиняется влиянию и руководству более сильного, и в этом нет ничего плохого; напротив, хорошо, что сила одного человека восполняет слабость другого. Во-вторых, не у всех та же мера мудрости и знания. Иной из нас не знает, как жить или как поступить в том или ином случае. Естественно, что такой человек будет искать руководства того, кто мудрее, опытнее или учение его. В третьих — и это, может быть, самое главное — не всякий может и не хочет о себе настоящему заботиться. Поэтому хорошо, что в человеческом обществе появляются люди, которые берут на себя заботу о других, стараясь устроить их жизнь к лучшему — вообще или в каком-либо определенном отношении. Власть есть в этом смысле служение подвластным, и преимущественное положение, которое естественно занимает властвующий, есть лишь награда за его служение. Для того, чтобы властвовать, надо иметь дар творческой инициативы; не все имеют его и не все хотят его иметь: многие предпочитают быть осуществителями-сотрудниками, а не вождями.

Если мы возьмем власть, как общественное явление, то и тут все сказанное остается в силе. Однако, общественная власть должна быть еще как бы воплощением самого общества, началом осуществления общего блага и общей справедливости. Помимо того, власть часто является «трудовой необходимостью». Особенно в

наше время, когда, почти каждая работа исполняется сообща, для успешного ее проведения нужна организация, всякая же организация иерархична и, следовательно, требует власти... В большинстве случаев, в нашем обществе власть и имеет назначением организовывать работу хозяйственных или государственных учреждений.

В нравственном отношении власть основана на стремлении людей к единению, сотрудничеству, взаимному расположению; в пределе же — на самой любви. Что значит власть между ненавидящими друг друга, если не звериная борьба и дьявольское удущение слабейших.

Перейдем теперь собственно к нашей теме.

Прежде всего, очевидно, что люди так же по природе равны в Церкви, как и в мире: все мы сотворены Богом, искуплены Христом, рождены и призваны к вечной жизни. Как же оправдать существование церковной власти? — Проще всего тем, что Церковь есть общество, имеющее свою деятельность, а потому нуждается в организации и власти. Но есть и более глубокие причины.

Смысл христианства в усыновлении людей Богу. Это отношение сыновства превышает, разумеется, всякое начало власти и предполагает более всего — любовь, свободу и природное единство между Отцом и детьми. Если бы усыновление было только подчинением, оно стало бы рабством: мы дети, а не рабы. Однако, подчинение Отцу естественно для сына. Если Сам Божий Сын всецело отдает свою волю Богу-Отцу, то что сказать про людей. Как можем мы не подчиниться Тому, от Кого мы имеем решительно все, и самое наше бытие, Кто один знает, в чем наше истинное благо, Кто не только сотворил нас, но и готов служить нам 1). Вспомним, наконец, Молитву Господню, с ее прошением — «да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле»...

Но падший человек не в силах подчиниться Богу: воля его испорчена, он по природе бунтовщик, «сын противления». Чтобы дать новую волю человеку, исцелить его свободу, необходимо было воплощение Христа. Христос, став человеком, обновил падшее человеческое естество, основал Церковь, как Свое тело, собрал тысячи учеников силою духа и мудростию учения. Он есть истинный Глава Церкви, единый Посредник между Богом и людьми, в Котором мы усыновляемся Богу-Отцу... Способность подчиниться Христу и в Нем Богу-Отцу есть дар благодати, без которого невозможно спастись. Послушание Богу в любви и свободе

1) Ср. притчу о Блудном сыне и все тексты Нового Завета, где говорится о великой любви к нам Бога-Отца, не пощадившего и Сына Своего ради нас.



есть удел совершенных, вполне противоположный и рабскому страху и рабскому бунту. Полнота власти в Церкви принадлежит во все времена только Христу: Ему одному она вручена на веки Отцом.

Зачем же тогда нужна церковная иерархия.— Во-первых, она необходима потому, что мы слишком часто сами неспособны идти за Христом, нуждаясь в водителях и учителях христианской жизни; Сам Христос поручил Церковь Свою апостолам, от которых берет начало вся наша иерархия. Во-вторых, только иерархическое устройство Церкви делает ее цельным организмом, а не беспорядочным сборищем... Сколько стараний прилагает Христос, чтобы воспитать для Церкви истинных пастырей-апостолов. И не печалует ли Он, что «жатвы много, а делателей мало» (Мф. IX, 37).

Каков же должен быть духовный облик пастырей Церкви?

Прочтем отрывок из Ев. от Матф. — см. Мф. XX, 20-28 ст. — Чему учит прочитанное нами? — Тому, что в Церкви нет места ни властолюбию, ни славолюбию; лишь в Царстве Небесном Бог прославляет верных Своих слуг; власть в Церкви есть только служение, и при том крестное, по образу Христа, нашего Царя и Испытателя... Вот и второй текст: см. Мф. XVIII, 1-6... Величие «большого в Царствии Божиим» — самоумаление. И вместе — какая ответственность на властвующем в Церкви! Лучше ему умереть, чем соблазнить или отвергнуть «единого от малых сих».

Сущность пастырского служения — водительство ко Христу. В этом — весь смысл власти в Церкви. Всякое действие церковной власти ценно в ту меру, в какую оно приближает христиан ко Христу; оно есть действие антихристово, если от Христа удаляет. Конечно, и сам пастырь, как посредник между нами и Христом, должен быть живым образом Христа. «Подражайте мне, как я Христу» (I Кор. IV, 16) — вот закон жизни для пастырей. Мерию совершенства пастыря должна быть подобность его Христу и апостолам, величайшим пастырям и основоположникам Церкви... Мне бы хотелось особенно привлечь внимание всех христианских пастырей и педагогов к образу ап. Павла, который с силой и яркостью возникает перед нами при внимательном чтении Деяний и Посланий. Воистину, ап. Павел должен быть для нас примером подлинного вождя Церкви и водителя ко Христу... Слишком часто мы видим, что пастыри или никуда не ведут церковное общество или ведут его к земным целям. Наш епископат привык подчиняться и служить мирской власти, какова бы она ни была. Вся иерархия склонна следовать общепринятым нравам, взглядам и стремлениям, вместо того, чтобы пытаться самое общество и светскую власть подчинить влиянию христианства, свидетельствуя перед лицом мира о правде Христовой. Такой слабости иерархии способствует, разу-

меется, и поведение мирян, которые сами часто толкают иерархию на пути служения миру сему и не умеют защитить ее от насилия государства.

Пастырь должен воплощать в себе свою паству: «епископ в Церкви и Церковь в епископе», как говорил св. Киприан. Пастырь должен обнимать в своем сердце и разуме всех пасомых, жить их жизнью, быть их голосом в том добром и естественном, что в них есть, чувствовать всякую опасность и соблазн, грозящий пастве изнутри или извне, **быть ее совестью**. С этим связана несменяемость пастырей и их выборность, ибо пастырь не чиновник, которого можно сменять по административным соображениям и назначать единственно по благоусмотрению начальства. Только выборность и несменяемость соответствуют образу пастыря, как отца и супруга своей паствы. Это общее правило в настоящее время неизбежно должно иметь исключения. Так, выборность священников была бы большей частью невозможна: при слабой церковности нашего общества в редком приходе нашлись бы достойные кандидаты в священники; однако, выборность безусловно возможна в епархиях и поместных церквях. Несменяемость же, хотя и должна иметь исключения, но в редких случаях особой необходимости и высшей целесообразности.

Издrevле пастырям вменялось в обязанность блюдение истины в Церкви. Что значит это блюдение? — Во-первых, охранение безусловной верности всех и всего в Церкви ясно выраженным догматам Писания и Соборов, и связанное с этим право и долг суждения о всяком богословском мнении христиан — соответствует ли оно православию. Во-вторых, попечение о том, чтобы истина была подлинно силою жизни в Церкви и сама бы жила и развивалась в просвещении и богословском творчестве. Первое без второго ведет к одностороннему консерватизму, который может привести церковное просвещение к мертвящему застою. Второе без первого может привести к лжепросветительству, если не к прямой ереси. Нужно, чтобы истина жила в душах самих пастырей и чтобы была им не чужда любовь к богословию, как то было у многих великих святителей Церкви.

Истина не должна жить в Церкви только как надвременное, тем более научное богословие. Каждой эпохе, отчасти даже каждой поместной церкви должен быть свойственен ясный жизненный христианский идеал, осуществление которого было бы и возможно, и необходимо для церковного общества. Естественно, чтобы провозвестниками такого идеала были пастыри. Более того: без этого пастыри, очевидно, не могут быть вождями Церкви, и церковный народ неизбежно начнет искать себе других руководителей, которые сумели бы его научить наилучшему пути жизни и повести к

конкретным целям. Пастырь должен быть в состоянии каждого научить тому именно, что ему нужно в данных условиях.

Мало любить и знать истину: надо иметь ревность ее проповеди. Как драгоценно было служение слова Христу, апостолам и великим святителям Церкви! В каком пренебрежении оно часто находится в современной, особенно русской церкви! Проповедью нередко тяготятся и священнослужители, и молящиеся. Проповедь есть для многих синоним скучной риторики, пустого морализирования или общих мест витиеватого стиля. Иногда пастыри ссылаются на то, что не имеют дара красноречия. Но тот, кто имеет, что сказать, кто одушевлен определенным идеалом христианской жизни, у того найдутся нужные слова. От избытка сердца говорят уста. От полноты христианской жизни и пастырского рвения и слово пастыря станет с властью и силой.

Пастырь есть и предстоятель в молитве, совершитель богослужений. Из примеров всех времен, начиная с Ветхого Завета мы знаем, что властвующий в Церкви есть и первый молитвенник, прежде всего молитвенник и заступник перед Богом за свою паству. Для нас богослужение есть часто чин, который мы совершаем, вычитываем, выпеваем, выстаиваем; священник же возглавляет сие совершение чина, долженствуя для этого обладать соответствующим умением и знанием. Но — молитва есть великий путь богообщения, пища христианской жизни во всех ее проявлениях. Для пастырей она есть могущественное средство возвести свою паству к Богу, примирить ее с Богом, подчинить Ему.

Подобно и совершение таинств есть одна из главнейших привилегий священства, дар Божий пастырям, дающий им возможность изливать благодатную силу на верующих и силою Божиею укреплять и созидать дело усыновления людей Богу. Но опасно отрывать литургическую жизнь от всей жизни церковного общества. Слишком часто назначение священства видят прежде всего, если не исключительно, в совершении таинств и богослужений, а сама иерархия видит свое исключительное призвание в привлечении мирян к храмовой жизни. Литургическая жизнь не должна быть замкнутой областью, вне которой ни христианству вообще, ни в частности пастырям нечего делать. Бог призывает нас не к одной только набожности и освящению, но к цельной жизни о Христе: все в Церкви лишь средство ко Христу или следствие нашего приобщения к Нему. Мертвенное ханжество и лицемерие подстергает всякое церковное общество, замкнувшееся в одном лишь храмовом благочестии.

В нормальных условиях общественной жизни церковная иерархия имеет возможность самой широкой деятельности: не говоря уже собственно о церковном управлении, благоустройство храмо-

вой и хозяйственной жизни общин, устройство просветительных, благотворительных, социальных и иных прицерковных организаций не может не занимать пастыря. Такая административно-организационная деятельность иерархии и естественна, и необходима, но желательно, чтобы она была исполнена таким же духом любви и правды, каким должна быть исполнена вся жизнь Церкви. Соблазн сухого профессионализма и здесь как в литургической деятельности, может легко исказить христианский смысл всей работы; нельзя умолчать и о тех ссорах и интригах, которые так часто подрывают жизнь всякой организации, в том числе и церковной. Но даже самое благоустроенное церковное общество, возглавляемое самым талантливым и благожелательным управителем, не есть еще подлинная Церковь, если нет в нем устремленности ко Христу и духа Христова, если начальствующие, как кормчие, не направляют корабль церковный прежде всего к Богу и Христу. «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его и все приложится вам». (Мф. VI, 33).

Мы остановились на важнейших чертах пастырской деятельности. Но все может быть в жизни пастыря средством спасения духовных детей: пример собственной жизни, слово и молчание, любовь и гнев, строгость и мягкость, обличение и одобрение, простота и культурность, священнодействие и даже самое отлучение от церковного общения. Пастырь может быть истинным отцом верующих, имеющим право сказать вместе с Апостолом: «я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (I Кор. IV, 15); «для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (там же, IX, 22).

Пастыри имеют свои полномочия от Церкви; они управляют и действуют от ее лица. Имеют ли значение при этом свойства пастырей? Ведь священнодействия совершаются независимо от святости священника! — Но, во-первых, даже и таинства, и богослужения, хотя и неизменны в своей благодатной силе, однако, могут быть более действенными, когда совершаются священником с благоговейным вдохновением, чем когда совершаются небрежно. Во-вторых, литургическая деятельность не исчерпывает пастырства, и можно ли оспаривать, что духовное водительство людей, их научение истине и управление ими не требует особых способностей? Уже самое таинство священства сообщает благодатные силы для прохождения всего подвига пастырства, но по утверждению ап. Павла епископы или диаконы должны обладать особыми природными дарованиями и особой ревностью служения, чтобы быть достойными пастырями (см. пастырские послания апостола Павла). Во все времена Церковь старалась выдвигать на иерархические

должности лучших своих сынов, и никто не принес столько вреда Церкви, как пастыри бездарные или тем более злостные.

Положительному значению власти соответствует у подвластных добродетель послушания. Послушание есть, несомненно, общественная добродетель: оно требуется здравым смыслом и природой всякого общества, ибо анархия и бунтовщичество разрушительны для всякого общежития и губительны, в конце концов, и для каждого его члена: оно особенно необходимо в Церкви, потому что никто не может спастись самостоятельно, без других и без Церкви; оно может быть школой самовоспитания, укрепляющего волю, чувство долга, ответственности и смирения. Но в церкви не может быть слепого, формального послушания. Здоровое послушание должно быть основано на доверии к власти, а доверие всегда основано на сознании того, что власть поистине хочет нам добра и ведет нас по правильному пути. Мы можем не понимать смысла отдельных указаний или распоряжений, или высказываний власти, но мы должны иметь к ней общее доверие, основанное на опыте ее мудрости и праведности. Отсюда границы послушания: оно должно быть благоразумно. В Церкви нет рабов, все без исключения несут ответственность за общее благосостояние Церкви и за верность ее Христу; ради блага Церкви мы должны подчиняться, ради ее же блага — противиться злу и антихристову духу. Но противление не должно быть бунтом, оно не должно нарушать незыблемых церковных установлений и порядков. Наше несчастье в том, что мы не имеем строго выработанного и определенного церковного права; у нас нет единого кодекса канонов, как у католиков; наш церковный суд слишком часто не отвечает требованиям церковности, а главная высшая иерархия имеет слишком широкую возможность произвола, особенно под покровительством и по наущению светской власти, а Церковь часто фактически лишена голоса по невозможности собирать епархиальные съезды, поместные или вселенские соборы, или эти соборы протекают в условиях унижительного давления и надзора... Однако, есть в нашем обществе и другой вредный уклон: порывать со властью, действия которой мы не одобряем, и обособляться в расколы. Надо приучаться использовать все законные формы борьбы с заблуждениями, и не надо думать, что подчинение власти означает следование ей во всем. Только Богу и Христу мы должны следовать всецело; в отношении всякой иной власти, даже и церковной, мы определяем наше послушание мерою верности ее Христу. Вспомним слова Апостолов синедриону: «судите, справедливо-ли перед Богом слушать вас больше, нежели Бога» (Деян. IV, 19) или заповедь ап. Павла Галатам: «кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал. I, 9)... Слепое преклонение перед властью столь же

вредно, как и безрассудное бунтовщичество... Кстати, еще одно замечание: если расколы возникают в Церкви — как они ни печальны, как ни возмутительны — не следует расколовшимся обвинять друг друга в безблагодатности: это хула на Духа Святого; Церковь признает таинства, а, следовательно, и некую благодатную жизнь даже и у еретиков. Что же сказать о расколовшихся по причинам обрядовым, каноническим, национальным или политическим. Как можно утверждать, что целые епархии христиан, верных Христу и Православию — безблагодатны, что дети их некрещены, браки — невенчаны, усопшие не отпеты, что литургии их — кощунственная видимость. Ни один патриарх, ни один собор не имеет власти духовного убийства над верными Христу: отлучены от Церкви могут быть только отлучившие себя от Христа и Его Духа. Те, кто думают лишить благодати своих противников (а в сущности, братьев во Христе) на деле только роняют достоинство иерарха и соблазняют «малых сих», потому что и сами обычно не верят, что отколовшиеся действительно лишены благодати и тем более не могут убедить в этом своих жертв.

Вопрос о власти имеет большое значение в Церкви. Блаженно церковное общество, если имеет достойных пастырей, ведущих его ко Христу. Горе пастве, если пастыри ее забыли о Христе и влекутся «стихиями мира сего». Несмотря ни на что, средний уровень духовенства обычно выше, чем мирян; дар священнодействия дан ему даром, чтобы быть даром раздаваем в Церкви; мы не лишены благодати, даже если имеем скверного пастыря. По воле Провидения и в «безпастырное» время в Церкви являются вожди и пророки, спасающие, когда угодно Богу, церковный корабль. Но мы должны помнить и о том, что имеем вечного Первосвященника, Ходатая и Пастыря — Христа, что Церковь есть Церковь апостолов, пророков, великих святителей и учителей, которые вечно царствуют в Церкви со Христом и с Ним будут судить ее. Не уклоняясь от законного послушания земной иерархии и от мудрого ее руководителя, мы должны прежде всего нести послушание Тому, Кому все покорил Бог Отец, и великим Его сподвижникам, прославленным Церковью. «...Через Него мы имеем доступ к Отцу в одном Духе. Итак, мы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса краеугольным камнем, на Котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на Котором и мы устроены в жилище Божие Духом» (Еф. II, 18-22). «Смотрите, братие, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу, ибо в Нем обитает вся оплота Бо-

жества телесно. И вы имеете полноту в Нем, Который есть Глава всякого начальства и власти» (Кол. II, 8-10).

С. С. Верховской.

### ЧТО ТАКОЕ ИКОНА ?

Икона есть, во-первых, изображение Второго Лица Св. Троицы, Бога-Сына, воплотившегося нас ради, жившего с людьми, распятого и воскресшего, бывшего совершенным Богом и совершенным человеком. Поэтому с Него можно было писать портреты. Икона по гречески — портрет, образ, изображение.

Иконами являются также изображения Божией Матери, Ангелов в том виде, в каком они явились людям, и наконец, святых.

Это все знают, но вот что очень многие не знают, либо забывают: икона не является изображением греховой плоти человеческой, про которую св. Евангелист Иоанн Богослов сказал: —«дух животворит; плоть не пользует ни мало» (VI, 63).

Отсюда ясно, что изображения именно одухотворенной, очищенной плоти, которую стяжал для нас Христос своею искупительной смертью и воскресением и должна быть икона. Всякое же, хотя и прекрасное, но натуралистическое, необузданно плотское и чувственное изображение Господа, Богородицы и Святых есть не прославление, а принижение и оскорбление их.

Распространяя обвинения в этом недостатке на все священные изображения, иконоборцы 1200 лет тому назад, пробовали уязвить православных. Обвинение это было неосновательно: настоящие иконы всегда писались благочестивыми и святыми иконописцами особым образом.

Одним из величайших образцов такого писания является Владимирская Икона Божьей Матери, до революции находившаяся в Московском Успенском Соборе.

Просветление плоти здесь очевидно. В связи с вышесказанным требуется, чтобы настоящая икона и с внешней стороны была совершенна, т. е. была создана не из хрупкого материала, как, например, бумага, которая треплется, легко портится, особенно от сырости, желтеет, быстро ветшает; к тому же она мертва и бездушна, продукт фабрикации. Естественным материалом для иконы, как указал опыт всех времен и народов, является дерево: оно достаточно прочно, пластично и ветшает очень медленно. К тому же оно непосредственно Божье создание, не дело рук человеческих; даже в досках оно продолжает жить и дышать.

Не годится для иконы быть и печатной, машинного производства. Не может мертвая машина заменить живую руку человеческую, если она даже и не особенно искусна, но следует церковным канонам. Последние же только направляют, а не умерщвляют, как многие напрасно думают.

Есть разница между иконой и благочестивой картиной. Последнюю можно, часто и полезно, повесить на стену, но молиться перед ней нельзя. Горько то, что западные люди, не православные, из которых многие только начинают почитать иконы, эту разницу ощущают, никем не наученные, а русские, искони православные, этого не чувствуют, а иные не хотят ни чувствовать, ни знать.

Для многих является интересным вопрос, какое же положение Икона занимает в мире искусства, точнее в мире художества? Отвечая, скажем, что оно подобно положению литургических текстов в области литературы. Можно взять служебные месячные минеи из церкви домой и читать их там, и это очень полезно, как подготовка для сознательного присутствия за службой, но в церкви тексты звучат по другому и только в молитве им настоящее место. Предки наши в значительной степени воспитывались на псалмах, на молитвенном чтении их и в церкви и дома; на псалтири выучивались они тому изумительному русскому языку, которым говорят нередко старые богомольные люди. Конечно, и псалмы литература, и Пушкин — литература, но в нем нет благодати, а в псалмах есть. Вот почему они и чисто литературно так недостижимы. Они переходят уже в какую то особенную, высшую категорию литературы. Иногда кажется, что ими можно восхищаться и с чисто литературной точки зрения, а потом быстро становится совестно: как будто такое мирское восхищение их профанирует и их недостойно.

Так и настоящая, истовая икона: конечно, это живопись, и наивысшая, но не только это, далеко не только это. Однако, не всякому дано это сразу понять. Кому не дано, нужно говорить: стань на точку зрения мирского понимания, и, если ты почувствуешь, что перед тобой вершина искусства, продолжай стоять в созерцании или, лучше, возвращайся к нему. И ты, увидишь—тебя потянет на еще высшую точку, точку священного, а за ним и церковного понимания. Все это, однако, касается только истовых, главным образом, древних икон, а не тех подражаний западным религиозным картинам, которые в XVIII и XIX веках заполнили русские храмы. Не от них пошла у западных людей тяга к иконе. Ее значение, как проводнице христианства, и особенно православия, не есть выдумка, а основано на ряде фактов. Через икону многие люди, русские, и, особенно, не русские — католики и протестанты, эстетически настроенные, коснулись священного на земле и ощутили чудо.

Чудо — это естественная жизнь духа, как законы природы естественны для материального мира.

Всякая икона по вере чудотворна, но наименование чудотворных присваивается практикой церковной жизни нарочито лишь тем образам, из которых благодать и сила исходит особенно ярко, распространяясь иногда даже не на отдельных лиц, а на всю страну. Так это было с иконой Владимирской Божьей Матери, изображенной на обложке, с иконами Знамения Новгородской, Федоровской в Костроме, Казанской и многими другими.

Чудотворные иконы можно разделить на две группы. Одни, как например, опять упомянутая Владимирская, Смоленская, Корсунская — прославились чудесами в России, но появление их не представляет собою ничего особенного: известно, кто и когда их привез из Греции или заказал тому или иному изографу.

Другая группа — это так называемые «явленные» иконы. Не нужно думать, что оне нерукотворные, каким был лик Спасителя, запечатленный Им самим на полотнище для Эдесского Царя Авгаря. Нет, явленные иконы были в свое время писаны обыкновенным путем какимнибудь иконописцем. Их можно рассматривать, даже рассуждать об эпохе их написания, но без сомнения изограф, их писавший был особенно благочестив, и творение рук его потому и было прославлено: пропала икона, а потом вдруг как то чудесно появилась или была найдена. И в явлении таких икон всегда свыше как бы указывается почему она явилась — цель этого.

Для примера рассмотрим Курскую Икону Знамения Пресвятой Богородицы, сейчас находящуюся в Америке. Найдена она была охотником из Рыльска в 1295 г., приблизительно в 30 километрах к северу от Курска, незадолго до этого вторично разгромленного татарами. На этот раз разорение города и его области было таким беспощадным, что страна превратилась в лесную безлюдную пустыню. Это видно уже из того, что город Рыльск, откуда пришел охотник, очевидно ближайший от места нахождения иконы более или менее значительный населенный пункт, отстоит к западу от этого места не менее как в 125 километрах. Почему там оказалась икона — неизвестно. Вернее всего она принадлежала беглецами из Курска: их нагнали татары, изрубили, ограбили, а икону, как ненужную вещь, бросили. А вот она не пропала, нашлась, прославилась чудотворениями, утешала измученный народ, поднимала дух. Точно сама Богородица пришла на пожарища, на русскую муку. Есть древнее сказание о том, как Божья Матерь, жалея грешников пошла в ад и потом вымолила у своего Сына прекращение адских мук от Страстного Четверга и до Троицы. В библиотеке Сергиевотроицкой Лавры хранилась рукопись на пергаменте XII века, где это сказание было записано под названием «Хождение Богородицы

по мукам. Оно не представляет собою изложения учения Церкви, но очень характерно, как указание на народную веру в постоянное заступничество Царицы Небесной за людей. Иконописное изображение этого заступничества видим и на иконе Страшного Суда и в так называемом Деисусе: Христос по середине, справа Богородица, слева Иоанн Предтеча. Оба молятся за человечество. Деисус — это испорченное греческое слово — деесис — моление. В иконостасе всегда это пишется.

И вот что удивительно — 650 лет тому назад Курское Знамение утешало беженцев — русских людей во время ужасов татарщины, а сейчас та же икона Богородицы утешает потомков этих людей, тоже беженцев от ужасов безбожников. Неоднократно эта икона бывала в Париже, а сейчас она в Америке.

Переходим теперь к другой явленной иконе — Тихвинской Божьей Матери. Она явилась приблизительно через 100 лет после Курской, в 1383 г., около Тихвина. Город этот, находящийся в пределах Новгородской земли в 200 километрах к востоку от Новгорода, отстоит от Курска более чем в 900 километрах к северу. Сначала эту икону видели в светящихся облаках рыбаки на озере, потом она спустилась. Смысл явления этой иконы другой, чем Курского Знамения. По преданию она чудесно была перенесена в Россию из Константинополя за 70 лет до взятия его Турками и падения Византийской империи (в 1453 г.). Перенос иконы был символом грядущего перенесения Верховной Христианской Государственной Власти из Византии в Россию. Все это находится в связи с идеей, начавшей зарождаться уже в конце XIV века, все более и более развивавшейся в течении XV и XVI веков и получившей название Москва — Третий Рим.

Центром Христианской Власти был сначала Рим — говорили русские книжники. — Рим оказался недостойным, и власть перешла в Константинополь — Царь-град, но и он оказался недостойным — и власть перенесена в Россию, в Москву.

Все это было запечатлено в формуле: Москва — третий Рим. Два Рима пали — четвертому не быть. Формула не была гордыней, а предостережением: если и Москва окажется недостойной — мир в дальнейшем будет оставлен без центральной государственной Христианской власти.

Кроме указанного главного смысла, указания на великое призвание, Тихвинская Икона, как и Курская, служила символом Хождения Богородицы по русским мукам. Особенно это сказалось через 200 лет после явления иконы, в начале XVII века, в смутное время, когда Россию громили и свои воровские, и польские, и литовские шайки, и шведы на севере. Духовным центром защиты Восточной части Новгородской Земли была Тихвинская Богородица.

Древние списки ее утешают и в XX-ом веке русских изгнанников. Один стоит в храме Сергиевского Подворья в Париже, другой, возможно сама подлинная икона, вывезен в Америку и укрепляет там русскую душу.

После явления Тихвинской Иконы, в самом конце XIV века прошло около 170 лет и в другом, третьем углу России, на Волге, в Казани (это 1000 клм. к Юго-востоку от Тихвина, и в 950 клм. к северо-востоку от Курска) в 1579 г. произошло новое утешение русским людям, явление Казанской Иконы Царицы Небесной.

Казань была взята в 1552 г. Началось освоение края русскими — и материальное и духовное, последнее проповедью христианства среди мусульман и язычников. Затруднения были велики. В 1579 г. сильный пожар опустошил город. Среди туземного населения пошел говор — Бог против русских. Это влияло и смущало дух. И вот в это время было видение одной девочке: «в подземелье вашего сгоревшего дома скрыта икона. Ищите». Долго не верили, потом всетаки стали рыть и нашли икону Богородицы, завернутую в рукав мужского одеяния. Приходским священником был замечательный человек, впоследствии знаменитый патриарх Гермоген. Он составил описание явления Казанской иконы. Подъем духа от ее явления был необычайный. Пошли чудеса — не только Казань, все Поволжье потряслось, и когда в смутное время, уповая на Господа и молитвы Его Матери, русские люди стали спасать Россию, то земская рать несла с собой икону Казанской Богородицы. 22 Октября 1612 года рать вошла в Кремль, и этот день посвящен празднованию Казанской иконы. Оно второе в году, а первое совершается 8 Июля, в день нахождения иконы.

Взятие Казани было великое дело: этим делом Царь Иван Васильевич Грозный прорубил окно на Восток. Через него христианство просветило весь север Азии и дошло до Тихого Океана. Как будто на всем этом начинании лежало благословение Царицы Небесной через Казанскую Ее Икону.

В заключение рассмотрим явление Федоровской иконы Божией Матери. По времени оно было самым ранним; первое явление ее произошло вероятно уже в начале XII века. Говорим, первое — потому что икона то пропадала, то опять являлась. Последнее, окончательное явление произошло в 1239 г. в Костроме. Говорим об этой иконе после других, так как всероссийское духовное значение ее, а не местное только, определилось в XVII веке после смутного времени, при избрании Михаила Федоровича Романова на царство. Икона эта как бы преемница Казанской. Последняя благословляла начало спасения России, а Феодоровская — утверждение спасения. Феодоровкой она названа потому, что пре-

дание соединяет ее явление с личностью св. великомученика Феодора Стратилата, по сказанию приносившего икону в Кострому.

Приведенные выше примеры помогают понять, что такое икона — какое значение она имела, да и продолжает иметь в русской жизни. Однако, отсюда не следует делать вывода, что икона стала какой-то исключительной принадлежностью русского народа: икона выше его — она вселенская. В частности, не нужно забывать, что главная польская святыня, Ченстоховская Божия Матери (Королева Польши) — древняя Византийская православная икона. Равным образом — главная святыня Литвы, Остробрамская икона Богородицы в Вильно — тоже древняя православная Византийская икона. Наконец, в глубине Франции, в соборе города Лаона (Laon) в 140 километрах к северо-востоку от Парижа, стоит чудотворная икона Нерукотворенного Спаса (La Sainte Face de Laon) с славянской надписью: Образ Господень на убрусе. Святыню эту в 1249 году прислал из Рима своей сестре, игуменье Сибилле, бывший архидиакон Лаонского Собора, Жак Пантелеон де Труа, впоследствии Папа Урбан IV (1260-1264).

Все это достаточно показательное, но со времен ренессанса (XV и XVI века) под влиянием античного, языческого искусства с его культом плотской красоты, церковная живопись на Западе обмирщилась: это уже не литургическое искусство романского периода, а от силы религиозные картины. Церковь на западе пробовала бороться с этим вырождением (Триентский собор), но безуспешно. В настоящее время недовольство такой живописью очень обострилось; как во многих идейных движениях, положительных и отрицательных, и здесь центром становится Париж. Влиятельная роль в движении принадлежит группе Доминиканцев (Отцы Regamey, Couturier и другие). Упреки недовольных обращены главным образом к католическому церковному народу. Он, по словам критиков требует, чтобы религиозные произведения удовлетворяли его «благочестию», а оно часто само уклоняется от подлинного духа христианства. В этом благочестии ложная чувствительность и потребность выставлять на показ свои ощущения без всякого сомнения берут верх над мужественным устремлением к сверхестественному и над духом бедности.

Любят говорить, что религиозное произведение должно помогать молиться, а по существу очень часто это означает, что от него ожидают возбуждения в сторону неопределенного парения ума, а не возвышения к Богу очищенного духа. И как раз именно то, что в этом благочестии есть неправильного, хочет получить удовлетворение от произведений традиционной религиозной живописи (Art St. Salfié).

Как бы желая прочней укоренить в головах своих обвинения,

критики их повторяют: неправильности в благочестии — это уклонение к безформенным мечтаниям (парение ума) и привязанность к более или менее тонко ошибочной и уже во всяком случае отжившей манере думать и чувствовать.

Все это суждение принадлежит не русским, вообще не православным, а западным людям католикам, французам.

Начиная читать эту критику, восточный христианин вполне с ней соглашается: сентиментальность, ненужные фантазии, излишнее богатство обстановки — во всем этом он сам упрекал западную религиозную живопись. Читая, он думал, что не может быть другого вывода, как указание — учитесь у Восточного иконописания; и в то же время восточный христианин, если он жил в Париже, по выставкам современного священного искусства знал, что на практике этого не делается, а делается совсем противоположное. Недоумение рассеивается, когда читатель доходит до конца критики, до указания, что среди ошибок благочестия есть и следующие: **отжившая манера думать и чувствовать.**

Что это такое, отжившее? Твердая вера западного средневековья, смирение, отсутствие самомнения и желания искать «свое», а не Божье в священном искусстве? — Если все это пережитки старины, ненужная ветошь, то тогда, конечно, можно думать, так, как думают некоторые из критиков - реформаторов, что для священного творчества нужен только талант, а все остальное, начиная с веры, дело второстепенное.

Результат этой теории налицо — посмешище, а, нередко, и кощунство.

Значительная часть Западного Католического и Протестантского церковного народа вступила в идейную борьбу с этим новым современным сатанизмом. Наше призвание — вступить в эту борьбу, но не полемикой, а примером — самими иконами. Они самые красноречивые проповедницы подлинного священного искусства, литургической и церковной живописи.

Начинать же нужно с самих себя, со своего собственного жилища, как бы бедно оно не было.

Вот люди венчаются. Соединяются. На счастье и несчастье. На радость и на горе. На жизненный бой. Не даром поется: святые мученицы. Друзья, друг друга поддерживающие в борьбе. Как хорошо и тепло в старину говорили про жену: подружие. И в комнате ставятся благословенные на брак иконы. Обыкновенно Спаситель и Божия Матерь. Как важно, чтобы иконы были истовые. Комната, даже самая убогая, превращается в светлый Божий храм. Вечером, ночью — мрак, но если есть лампада, то как то особенно светозарно и утешительно сияют одухотворенные лики.

Перед такими иконами, став и взирая на них, легко мысль

устремить к Невидимому Богу, как о том говорится в древних молитвенниках.

Об этом нам свидетельствуют и многие западные люди, не православные по рождению.

**В. П. Рябушинский**

## «В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ О СТРАВИНСКОМ»

«Вестник» № 1 — 1951

Мне хочется, прежде всего, выразить благодарность Редакции Вестника за благое начинание и помещение на страницах нашего журнала статьи на музыкальную тему. Хотя с точки зрения многих людей искусство есть своего рода роскошь, излишество, люксус, или, во всяком случае, вещь имеющая интерес не для всех, но лишь для **некоторых**, и хотя многие люди, стоящие на этой точке зрения может быть найдут неуместным помещение статьи об искусстве в религиозном журнале, т. е. в журнале, тема которого интересует **всех**, я думаю, что такая точка зрения не верна не только по отношению к тем из наших братьев, которые темой искусства живут и взволнованы, но и вообще, поскольку между культом и культурой не нарушена историческая и онтологическая связь.

Во вторых мне хочется поблагодарить автора статьи за его очень интересные, живые, смелые и проникновенные мысли. Для меня ясно, что автор статьи не из простых, а из весьма культурных, тонких людей и не только философ, но и музыкант, ибо говорить о «метафизическом ядре» творчества Стравинского и о «необходимости» его явления в историческом, музыкальном процессе русской музыки может с уверенностью лишь человек не только мыслящий, но и посвященный в тайны Аполлона.

Но прочтя статью о Стравинском, у меня осталось неясное впечатление о том: положительное или отрицательное есть явление Стравинского в истории музыки?

«Значимость» С. бесспорна для всех посещающих концерты, слушающих радио и читающих музыкальные журналы, и такие выражения автора статьи, как «Эпоха Стравинского», «Создатель музыкального Октября», «музыкальный диктатор нашей эпохи» может быть не являются преувеличением. Но известность человека и сила его гения еще не говорят о качестве его творчества, о том: положительно оно или отрицательно? (Нам не далеко, ведь, ходить за примерами знаменитых и великих людей, диктаторов создающих эпохи и «Октябри», но... от одного произнесения имени которых больно сжимается сердце!).

Судя по статье, с одной стороны, С. является гением как бы положительным:

1) Так «парадоксальное» сочетание в нем новаторства и консерватизма есть сочетание положительное. Весь Богом созданный мир держится на равновесии центробежных и центростремительных сил. Все великие и добрые гении человечества имели это сочетание. Да и Сам Господь Бог наш Иисус Христос был одновременно и новатором и консерватором.

2) «Организация, подтянутость, дисциплинированная слаженность», замеченные автором в творчестве С. суть тоже вещи положительные. Но, конечно, если они служат на дело благое.

3) Явление Стравинского в истории русской музыки, которое автор называет «необходимым» и имеющим своего предтечу — Глинку, не может быть отрицательным, ибо Глинка в истории русской музыки все равно что Авраам в истории богооткровенной религии, наследники которого говорившие: «Отец у нас Авраам» (Мт. III, Ио 8,39) были бы оправданы, если бы они действительно были чадами Авраам по духу. Так что иметь своим родоначальником и предтечей великого человека вещь, конечно, не плохая, если идти по указанному им пути.

4) Если С. выявил мировое, межнациональное, сверхнациональное значение русской музыки — а такова мысль автора статьи — то это тоже есть дело положительное, соборно-кафолическое и «исполать» ему за это, ибо в русской музыке имеется воистину много достойного этого выявления. Вопрос только в том, выявил ли он или запрятал?

5) Творческая изобретательность и разнообразность выявления таланта С., о которых говорит автор статьи тоже должны быть отнесены к разряду положительных качеств музыкального «диктатора» XX века и «оздоровителя русской души» (Хотя мы знаем о разнообразии изобретательности не только положительных гениев Дамаскиных, Леонардов, Ломоносовых, но и о черной, демонической изобретательности Иродов, Неронов и др. диктаторов).

6) Здоровый, бодрый, резвый, жизнерадостный дух лишенный «надрыва и ужаса» русской души без «отравленного подполья» и так сказать «достоевщины», есть тоже качество положительное, качество насельников Эдема и детей. Хотя жизнерадостность бывает такого сорта, о которой нас предостерегает Библия: Еврейскому Народу, входящему в плодородную землю Ханаанскую, Бог говорил так: «Израиль, Израиль, ты идешь в землю, где текут реки молока и меда, вот смотри и берегись, чтобы не отучнеть и не забыть Бога!». А так ведь и случилось!

7) Музыкальная образованность и культурность среды, в которой воспитывался С. и которые он, не мог не унаследовать от

отца — так, повидимому, думает автор статьи — тоже являются плюсом, а не минусом; темнота же, невежество суть поистине большие дефекты, причиняющие много горя талантливым людям. Лишь бы знание не надмевало, но служило к большему смирению познающего.

С другой стороны в статье говорится и об отрицательных чертах Стравинского:

1) С детства он был «своенравен», эгоцентричен и несмотря на музыкальную культурность отца, не был его послушным учеником. Если С. стал диктатором, не быв в молодости послушным и хорошим учеником «своих отцев», то он не похож на истинного диктатора и отца всей европейской музыки — Баха, который в молодости только и делал, что переписывал и учил творения своих музыкальных отцев. И так делали все положительные диктаторы и новаторы всех времен и народов во всех областях культуры, ибо пятая Заповедь непреложна.

2) «Машинно-механический» тип творчества Стравинского, мог бы быть и положительным качеством. В контрапунктизме Баха тоже ведь много, так сказать, машинно-механического, лишь бы при этом, как за рулем машины сидел добрый, любящий Бога и ближнего, исполненный хороших моральных чувств и с нежной душой кормчий.

Этого, судя по статье, нет у Стравинского и автор статьи даже говорит об «антигуманных реакциях» «знаменитого гения».

3) Если С. есть пореволюционный человек и «заканчивает старую эпоху музыкальной культуры России!» («заканчивает» в смысле «исполняет»), то это не плохо, ибо и Господь наш пришел завершить («исполнить») Ветхий Завет! И как завершить!?

Но если С. заканчивает музыкальную культуру в смысле «приканчивает», то это, конечно, очень печально, как печален и «Октябрь»!...

Питаться плодами деревьев это не плохо, а естественно и, так сказать, «необходимо». Но если, наевшись желудей «дссыта, до отвала», потом начать подрывать у дуба корни — то это будет очень плохо. «По плодам их узнаете их». (Мт. VII, 16) и если по творчеству С., являющегося питомцем Глинки люди узнают лучше и прославят отца русской музыки, то это хорошо; если же творения С. ничего не раскроют и сыновне не выявят прекрасного и истинного в гении Глинки, но, наоборот, как бы анулируют его значение и революционно разобьют жертвенник им воздвигнутый, то это будет плохо.

4) Бодрость, резвость, отсутствие надрыва... суть ценные качества. Но зачем же христианину впадать в язычество? Язычество имело свое законное место в истории, но лишь до христиан-



ства, как детство имеет свое место в жизни человека, но лишь до зрелости. Язычество после Христа есть уже грех, подобно тому, как дефективностью является впадение в детство или инфантилизм.

И разве нельзя радоваться и любить жизнь, не делаясь Юлианом Отступником, но оставаясь Христианином?!

5) Переходим, наконец, к последнему сильному обличению С., к его «старообрядчеству, формализму и эстетизму».

Конечно, формализм, эстетизм и обрядоверие в христианстве суть вещи ужасные. — Никого Христос так не осуждает, как фарисеев, законников и лицемеров, — и ужасно, если, так сказать, музыкальная вера Стравинского есть для него вопрос «чистоты стиля, уставной литургии, каноники, юрисдикции, традиционной аскетики, но отнюдь не любви к Богу и к ближнему». Обличение С. в безчувственном формализме и старообрядчестве настолько сильно и тяжело, что как бы обезценивает все те плюсы, о которых говорится в статье. В самом деле, к чему вся гениальность, культурность и значимость С., к чему вся его изобретательность, если творчество его пусто и бездушно, и лишено самого существенного? Не медь ли он звенящая, не кимвал ли он звучащий? (I Кор. XIII). И если С., а вместе с ним и весь диктаторствующий ныне «модернизм», несмотря на «знание всех тайн» искусства и пророческую одаренность и знаменитость, «не имеет любви, то он ничто!» (I Кор. 13,2).

А место, которое в религии занимает любовь, это место в композиции занимает сама музыка — Муза. И если С., несмотря на свой успех и завоеванную себе известность, пишет плохую музыку, то значение его в истории будет не больше Герострата.

Я думаю, не верно говорить, что С. является консерватором и традиционалистом в своем «метафизическом ядре». Что же это за ядро без любви! Что же это за консерватизм, если С. разрушает самые основы музыкального искусства (понятие тональности, гармонии, диссонанса, каденции, ритма...). Не соблазном ли и искушением для малых сих является «всесторонний музыкальный дар» Стравинского, попирающего святыни отцев и цинично, в угоду моде, надсмеающегося над законами Музы? 1).

Слушая фальшивую, неистовую, а иногда и просто безобразную музыку С., спрашиваешь себя: каков источник «изобретательности» и «ранообразия» этого таланта, не от «отца ли лжи» они породились? И не знаешь чему больше удивляться, тому ли,

1) См. замечательную книгу, крупнейшего из наших современных русских композиторов Н. К. Медтнера: «Муза и Мода», Париж 1935 г.

что эта музыка могла быть написана истинным «потомком» Глинки или тому, что эту музыку терпеливо слушают и даже хлопают в ладоши по окончании концерта вполне нормальные люди!

Уму не постижимо, как же это случилось, что в мир вошла мода на фальшивую музыку, за которую ставили плохие отметки своим ученикам Бахи, Бетховены, Глинки, Шопены...!

Как это случилось, что в наш век появилась мода на музыкантов, хорошо, ловко и талантливо играющих — но на расстроенной лире!

Свящ. Георгий Сериков.

## БОЛГАРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

### 1. Новое литургическое творчество.

Еп. Парфений в Болгарии составил службу в честь св. патриарха болгарского Ефимия. Служба одобрена Синодом Болгарской церкви и введена в церковную практику.

### Смена председателя - наместника Синода.

3 января с. г. бывший наместник св. Синода митроп. Врачански Паисий, принявший этот пост по освобождении Болгарии, смещен был и заменен избранным единогласно Синодом митроп. Пловдивским Кириллом.

«Церк. Вестник» обошел молчанием причину такой замены. № 13—14 «Вестника» дает понять, что новый наместник-председатель Синода получил поддержку Профкомитета церковнослужителей, обещающего свое содействие в управлении при новом социалистическом строительстве.

Митрополит Кирилл неизменно называется наместником-председателя св. Синода и наместником вакантного Софийского митрополичьего престола. Митр. Кирилл уже замещен в своем бывшем звании наместника Неврокопского митрополичьего округа Ловчанским митрополитом Филаретом.

### К истории Болгарской церкви.

В № 2-3 журнала «Духовна култура» проф. протопресвитер Ст. Цанков поместил краткую, но весьма насыщенную статью по истории Болгарской православной церкви. Кроме статистических данных, проф. Цанков дает имена и характеристики важнейших деятелей болгарской церкви от конца 9-го до 20-го века.

### Новый устав Болгарской Православной Церкви.

В приложении к «Церковному Вестнику» издан в виде краткой брошюры в 16 страниц малого формата новый устав Болгарской церкви в 36 статьях.

Ст. 1-ая отмечает самоуправляемость Болгарской церкви под

именем патриархии, объединяющей (ст. 3) 11 епархий, управляющих архиереями, получающими звания митрополитов (ст. 5).

Звание патриарха является почетным титулом. Церковь управляется Св. Синодом, в большом и малом составе, образующимся из всех епархиальных архиереев под председательством Патриарха (ст. 6). При богослужениях возносится имя патриарха и наравне с ним поминается Св. Синод, «верховное духовное начальство Болгарской православной церкви». Все архиереи поступают в ведение и под наблюдение Синода и от него они принимают рукоположение (ст. 7). Законодательной властью является церковно-народное собрание (ст. 8). Синод проводит только административную и финансовую работы (ст. 9 и 10).

Патриарх избирается пожизненно с кафедрой в Софии. Он должен быть не моложе 50 лет, должен непорочно управлять не менее 5 лет митрополией и иметь доверие народа и правительства (ст. 14 и 15). Избирают патриарха все архиереи, представители епархий — 3 клирика и 4 мирян от каждой — игумены ставропигиальных монастырей, представители духовных учебных заведений и профессиональных союзов священников и церковнослужителей. Кроме того, в избрании участвуют делегаты Отечественного фронта, министерства исповедания, верховного суда Республики, при условии, что они являются членами Болгарской церкви (ст. 16 и примеч.). Для избрания Синод намечает трех кандидатов, предлагаемых для голосования собором. Получение две трети голосов дает кандидату избрание, о чем сообщается Министру иностранных дел (ст. 22 и 23). Законодательный орган Церковно-народный собор созывается Синодом через каждые 4 года (ст. 32). Для православных болгар в Америке учреждается особая Нью-Йоркская епархия и для Цариграда церковное наместничество (ст. 4). Этот внутренний церковный устав Болгарской церкви, в своих 36 статьях ничего не говорит о законном, путем сношения с остальными автокефальными церквами, проводящимся признании ими новой патриархии. Председательство при Вселенском Патриархе уставом намечается, но все статьи устава говорят лишь о внутреннем устройстве, всецело связанном с нынешним положением церкви в Болгарской республике. Можно надеяться, что добавление устава по части обще-церковного положения Болгарской церкви вскоре последует: ст. 1-ая отмечает, что Болг. церковь является неотделенным членом единой соборной церкви. Назначение особой кафедры для американских болгар весьма вероятно поведет к расколу, ибо болгаре, живущие в Америке в огромном своем большинстве являются противниками Отечественного новообразованного фронта, входящего обязательной действующей единицей в церковное управление в Болгарии. **Ф. Спасский.**

## ГОДОВОЙ СЪЕЗД Р. С. Х. Д. ВО ФРАНЦИИ

12, 13, 14 мая состоится в Bièvres (S.-O.) съезд Р. С. Х. Д.

В настоящем году работа съезда начнется с семинаров на следующие темы:

1. Литургия — свящ. Александр Шмеман.
2. Факторы современной жизни — свящ. Илия Мелия.
3. Интеллектуальные течения современности — Д. Д. Викторов.
4. Церковь и социальная проблема — С. С. Верховской.

Затем будут прочитаны доклады на темы:

1. Христианин и Христос — С. С. Верховской.
2. Человек нашей эпохи — П. Н. Евдокимов.
3. «В мире сем, но не от мира сего...» — свящ. А. Шмеман.
4. Сила Церкви — прот. Василий Зеньковский.
5. О трудностях и задачах зарубежной молодежи. —

И. В. Морозов.

Во Франции: Цена  
подпи

За границей: Цена  
подпи

ПРИЕМ ПО

1) Америка: Rev. J

U.S.A

2) Марокко: Mada  
Marr

3) Франция: Mens  
Paris

Редактор: И. В. Морозов